

*А. В. Ганин
(Москва)*

**Хранитель «славной Южной школы». Полковник
А. С. Карпенко и судьба Елисаветградского кавалерийского
училища в период Гражданской войны на Украине**

В статье исследуется подвижническая деятельность полковника А. С. Карпенко в непростых условиях Гражданской войны на Украине и многократной смены различных политических режимов.

Ключевые слова: *УССР, Гражданская война, Елисаветград, Красная армия.*

Интересующиеся отечественной военной историей знают легенду про бесмленного часового крепости Осовец, остававшегося на своем посту под завалами многие годы после окончания Первой мировой войны. Существуют и другие, действительно документированные примеры подвижнического выполнения своего долга солдатами и офицерами русской армии. Об одном из таких случаев и пойдет речь.

Традиции кавалерийских училищ в русской армии считались наиболее укоренившимися. Сильно развит был корпоративный дух юнкеров и преподавателей. Не исключено, что именно поэтому такая история, произошедшая в Елисаветградском кавалерийском училище, оказалась возможной.

В подготовленной выпускниками-эмигрантами истории Елисаветградского кавалерийского училища о последних годах существования «славной Южной школы» говорилось кратко: «В ноябре 1917 года после прихода к власти большевиков и вооруженных выступлений их банд, начальник училища ген. Савельев, видя невозможность продолжать занятия в училище, отпустил всех юнкеров в долговременный отпуск, вернуться из коего в училище уже никто не смог. Это было концом училища, просуществовавшего 52 года, и юнкера 9-го и 10-го ускоренных выпусков были последними покинувшими Дворцовое здание при трагических обстоятельствах,

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17–81–01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

т. к. в 1918 г. училище было захвачено большевицкой бандой»¹. Далее следовал рассказ о службе юнкеров у белых и о восстановлении училища в Крыму в 1920 г. История подвижнического служения одного из преподавателей училища на благо сохранения военно-учебного заведения и его имущества вряд ли была известна в эмиграции, да и передача им училищного имущества советской стороне едва ли могла расцениваться как заслуга. Не стремились отдать дань уважения действиям бывшего офицера и красные. По всем этим причинам история сохранения в калейдоскопе режимов, сменявшихся на Украине, имущества Елисаветградского кавалерийского училища оказалась на долгие годы забытой. Между тем она не только поучительна, но и представляет значительный исторический интерес.

На протяжении 17 лет Александр Саввич Карпенко служил преподавателем военных наук и помощником инспектора классов училища. С училищем была связана большая часть службы офицера. Карпенко родился в городе Сувалки 26 февраля 1867 г. в семье мещанина², по национальности был украинцем и происходил, по его собственным словам, из украинских казаков. Он окончил 7 классов Сувалкской классической гимназии, Тверское кавалерийское училище по 1-му разряду в 1888 г. и в 1899 г. – два класса Николаевской академии Генерального штаба по 2-му разряду. В старой армии дослужился до чина полковника, летом 1916 г. непродолжительное время участвовал в боевых действиях Первой мировой войны и был награжден мечами и бантом к ордену св. Владимира 4-й ст. за участие в сражении под Галичем. Был отцом четверых детей. Прочную связь Карпенко с училищем подтверждало и то, что его старший сын, Георгий, по данным на 1923 г. служил вместе с отцом в качестве капитанармуса хозяйственного комитета кавалерийской школы в Елисаветграде.

В училище Карпенко преподавал военную географию, в связи с чем носил прозвище «озеро Хамардабан» и имел репутацию очень строгого, но справедливого педагога³. Польский офицер, в прошлом выпускник училища Л. Миткевич-Желток (выпуск 1 февраля 1916 г.) на страницах своих неопубликованных воспоминаний оставил следующую характеристику Карпенко: «Военную географию преподавал нам полковник Генерального штаба Карпенко, которого все юнкера училища звали “Семен – дубовые яй[и]ца”, и одновременно он был инспектором классов. Это был дородный мужчина, высокого роста, с достаточно тусклым выражением лица, преподавал он деревянным тоном и таким же языком без каких бы то ни было инто-

наций в голосе, малообразно, и интересующий предмет – география местностей России с военной точки зрения – в его изложении представлялся монотонно, как будто читаешь скучную газету»⁴.

Ко времени Февральской революции Карпенко занимал пост исполняющего должность инспектора классов училища. Как он впоследствии отмечал в советской анкете, «к совершившемуся перевороту относился сочувственно»⁵. О дальнейшем Карпенко писал: «Окт[ябрьская] революция докатилась до Е[лисавет]града только в февр[але] 1918 г., когда б[ывшее] к[авалерийское] училище перестало существовать. Как вышедший из пролетарской семьи, относился к революции сочувственно, но, будучи политически не подготовлен, не мог дать отчета в происходящих событиях, будучи с упразднением училища выброшен за борт»⁶. По всей видимости, заявления о сочувствии революциям были данью политической мимикрии. Но о деятельности Карпенко в тот период наглядно свидетельствуют факты.

В Елисаветграде, по словам Карпенко, все его знали⁷. Детищем Карпенко была учебная часть кавалерийского училища. Когда в феврале 1918 г. училище было упразднено, Карпенко до апреля 1919 г. остался в нем заведовать зданиями и имуществом, охранял его. Более того, уговорил и других сотрудников охранять здание классного флигеля № 10 с его богатым учебным имуществом.

Подробности подвижнического служения офицера в период «Русской Смуты» стали известны из материалов о снятии его с особого учета бывших белых офицеров после Гражданской войны, и прежде всего из публикуемого ниже его рапорта.

За год, с февраля 1918 по февраль 1919 г., в Елисаветграде сменилось четыре режима (большевики, немцы и гетман, Директория и снова большевики). В апреле 1919 г. Карпенко сдал имущество в полной сохранности прибывшим из Твери 1-м советским кавалерийским курсам, получившим теперь наименование 1-х советских Елисаветградских кавалерийских. Тогда же, с 3 апреля 1919 г., Карпенко был назначен штатным преподавателем тактики (и других военных дисциплин) на новых курсах, пробыв в этой должности до 11 августа. До прихода белых курсы успели осуществить один выпуск. Курсанты часто вызывались на борьбу с бандитами, боролись с восстанием Н. А. Григорьева, который захватил Елисаветград в мае 1919 г., выпустил из тюрьмы уголовников, в результате чего город накрыла волна террора. Пока курсанты и строевой командный состав воевали, учебная часть оставалась на месте.

В июле 1919 г. Елисаветград на один день захватили махновцы. В августе 1919 г., не дожидаясь скорого прихода белых, городом овладели повстанцы из окрестностей⁸. Курсанты и строевой командный состав курсов отступили, а преподавательский состав остался на месте. Комиссар курсов Геппе приказал учебной части охранять имущество, и вновь Карпенко пережил очередную смену власти в городе, в результате которой учебную часть захватили занявшие город после повстанцев белые.

Белые приказали офицерам явиться на регистрацию и в реабилитационную следственную комиссию. Карпенко находился под следствием в Елисаветградском комендантском управлении за то, что служил на советских командных курсах и готовил «красных офицеров», а следовательно, считался «причастным к большевизму». Его даже собирались посадить в тюрьму. Уверенности не добавляли слухи о расстрелах белыми в Полтаве преподавателей советских курсов⁹. Состоя под следствием, Карпенко служил в кооперативе родительских комитетов средних учебных заведений Елисаветграда. Как подследственного в сентябре 1919 г. его направили в Екатеринослав для допроса. Из Екатеринослава пришлось отправиться в тех же целях в Одессу, где он находился в октябре-ноябре 1919 г. Карпенко избежал сурового наказания. Следователь заболел тифом и умер в Одессе. Следствие затянулось, а в декабре 1919 г. заболел сыпным тифом и сам Карпенко, находившийся в госпиталях на лечении. В Одессе же Карпенко заболел возвратным тифом и болел до марта 1920 г. В связи с эвакуацией белых в начале 1920 г. его дело так ничем и не кончилось.

Как свидетельствовал 14 апреля 1923 г. заведующий Елисаветградским уездным отделом социального обеспечения, член РКП(б) С. Ягода, «мне хорошо известно, что т. Карпенко состоял с января 1919 г. при Елисаветградском уездвоенкомате, который поручил ему продолжать заведовать зданиями и сохранившимся, благодаря его, Карпенко, охране, имущество[м] учебной части б[ывшего] кавалерийского училища.

Здание и имущество учебной части им были переданы сформированным в апреле 1919 г. в Елисаветграде б[ывшим] 1-м советским Елисаветградским курсам комсостава, где он был назначен преподавателем тактики.

В августе, когда город Елисаветград был занят повстанцами, а затем деникинцами, он, как и вся учебная часть и др[угие] сотрудники, не участвовавшие в бою, оказались в плену у белых.

Знаю, что т. Карпенко требовала к себе на допрос прибывшая контрразведка, которая хотела его посадить до суда в тюрьму. Затем допрашивала его местная следственная комиссия, которая за то, что он как преподаватель тактики готовил красных командиров для борьбы против белых, постановила передать как большевика в судебно-следственную комиссию для предания военно-полевому суду.

Его отправляли в следственную комиссию и в Екатеринослав, и в Одессу. Все время до установления в Елисаветграде Советской власти т. Карпенко находился под следствием, и его, перед эвакуацией своей, деникинцы отправили как подследственного в Одессу, несмотря на то, что он лежал больной сыпным тифом; взяли его прямо с постели.

Я знаю т. Карпенко давно и хорошо; и могу засвидетельствовать, что он добросовестный работник, предан Советской власти и принес своими знаниями и работой большую пользу, сохранив для курсов богатое учебное имущество и подготовил немало красных командиров»¹⁰.

Подтвердил заслуги Карпенко и бывший вахтер учебной части 1-х советских Елисаветградских курсов, а позднее заведующий иппологическим классом Хрустачев: «Сим свидетельствую, что т. Карпенко в 1919 г. служил на 1-х советских Елисаветградских кавкурсах штатным преподавателем тактики и в[оенной] топографии.

В августе того же года, когда на г. Елисаветград напали повстанцы, то для отражения их был выслан дивизион курсантов, учебная же часть оставалась на месте. Когда курсанты отходили от города, то комиссар курсов т. Геппе мне, как сотруднику кавкурсов и учебной части, лично отдал распоряжение, чтобы учебная часть оставалась на месте, охраняла бы здания и имущество и ждала бы возвращения дивизиона курсантов.

Но курсанты не вернулись, город был взят повстанцами, а за ними вскоре пришли белые – деникинцы. Таким образом, все сотрудники кавкурсов очутились в плену. Заняв город, они¹¹ мобилизовали всех офицеров. Затем сформирована была войсковая реабилитационная комиссия, которая потребовала к допросу т. Карпенко первым и после допроса вынесла постановление признать т. Карпенко за преподавание тактики на советских курсах и подготовку комсостава для борьбы с белыми – признать причастным к большевизму и передать дело в судебно-следственную комиссию для предания военно-полевому суду. Помню до этого т. Карпенко требовала еще прибывшая контрразведка и хотела его посадить в тюрьму, так как говорили, что

в Полтаве деникинцы расстреливали офицеров, служивших на советских курсах комсостава преподавателями тактики.

Знаю, что т. Карпенко комендант города отправил после этого в Екатеринославскую судебную комиссию, откуда он вернулся. Тогда его несколько раз отправляли для допроса в Одесскую [судебную комиссию]. Затем в Елисаветград приезжал из Одессы военный следователь для допроса его и других сотрудников на месте.

В декабре т. Карпенко заболел сыпным тифом и был отправлен совершенно больным, по приказанию коменданта в Одессу, как подследственный¹² ввиду эвакуации из города.

До службы на 1-х советских курса я служил вместе с т. Карпенко по охране здания и имущества учебной части. Ему поручил это Елисаветградский уездный комиссариат. Он сохранил и сдал курсам и здание в довольно большом порядке и богатое учебное имущество, частью которого располагает теперь 5-я кавшкола; так как другая часть его, по приказанию б[ывшего] инспектора кавалерии 1-й Кон[ной] армии, была отправлена в г. Таганрог и там осталась (прекрасный иппологический кабинет и учебники)»¹³.

Бывший охранник зданий и имущества учебной части, а на 1923 г. уборщик зданий 5-й кавалерийской школы Плаксин также отметил, что служил с Карпенко, охраняя имущество училища. Поручил это бывшему офицеру местный военный комиссариат в январе 1919 г.¹⁴ Еще одним свидетелем выступил бывший слесарь кавалерийских курсов, а на 1923 г. – заведующий оружием школы Загнеев¹⁵.

Вновь попав к красным, Карпенко получил месячный отпуск, а в апреле 1920 г. был назначен в управление по постройке Кадымских узкоколейных железных дорог при управлении дивизионного инженера 45-й стрелковой дивизии. По реформировании управления бывшего полковника в соответствии с его кавалерийской специальностью назначили помощником начальника отдела ремонта 1-й Конной армии.

Затем Карпенко возвратился в ставший родным город и продолжил служить на прежнем месте в училище – теперь 15-х Елисаветградских кавалерийских курсах, где стал начальником учебной части. С 27 апреля 1921 г. после реформирования курсов в школу он стал помощником начальника 5-й Елисаветградской кавалерийской школы по учебной части. По аттестации на 16 января 1922 г. Карпенко характеризовался как специалист «с большим служебным опытом и знаниями. Отличный педагог, подвижной и энергичный. Пользуется большим авторитетом, работает с большим рвением. Вино не

пьет, в карты не играет, несколько мягок»¹⁶. По своей квалификации Карпенко считался соответствующим выдвижению на должность начальника школы.

К 1923 г. при участии Карпенко для Красной армии были подготовлены: выпуск советских кавалерийских курсов в 1919 г., три выпуска 15-х кавалерийских курсов и выпуск кавалерийской школы. Всего около 200 красных командиров¹⁷.

В апреле 1923 г. был поднят вопрос о снятии Карпенко с особого учета бывших белых офицеров (Карпенко находился на таком учете в связи с тем, что проживал на территории, занятой антибольшевистскими силами). Начальник школы и комиссар в апреле 1923 г. характеризовали его как «старого работника-специалиста военно-педагогического дела, обладающего громадным опытом как в знании и преподавании, так и в руководстве учебной частью»¹⁸. По их мнению, «занимание должностей инспектора классов и преподавателя в течение 17 лет в бывшем Елисаветградском кавалерийском училище свидетельствует о его многолетней практике и навыке в области учебного дела и солидный многолетний опыт педагога позволяет ему легко и свободно подойти к образовательному уровню курсанта, строго и неуклонно проводя методы преподавания и подготовку, требуемые ГУВУЗом»¹⁹. Отмечалось, что у белых Карпенко не служил и «за все время службы в школе... ни в чем сомнительном замечен не был, относясь к делу добросовестно, работая с проявлением должной инициативы к делу, с любовью отдавая свои силы, знания, опыт на обучение и воспитание курсантов. Отношение к соввласти, безусловно, сочувственное, лоялен, замечается желание и интерес к политработе. Политически надежен»²⁰. Сам Карпенко в анкете также отметил: «Предан и служу добросовестно Советской власти»²¹. Очевидно, военспец был одним из ценнейших и незаменимых работников школы, и начальство это прекрасно понимало. Просьба оставить Карпенко в армии, начальник школы прямо отмечал, что неудовлетворение этой просьбы «нанесет непоправимый ущерб педагогической работе и всего учебно-строевого дела»²² вверенной мне школы».

Военный комиссар школы Волков писал комиссару штаба ГУВУЗ СССР 28 апреля 1923 г., что ходатайствует о снятии Карпенко с особого учета как имеющего многолетний опыт, поскольку из всех представленных начштаба ГУВУЗа СССР материалов видно, что тов. Карпенко в белых (действующих частях) не служил. Оставаясь на территории гор. Елисаветграда по уходе Советской власти и по занятии Елисаветграда белыми, был ими арестован и предан военно-полевому суду за службу

в Красной армии преподавателем тактики и других военных предметов на 1-х Елисаветградских кавкурсах в 1918 году.

Арест и суд сошли благополучно, благодаря взятия²³ обратно города Елисаветграда красными войсками.

Работая в школе на должности пом. начшколы по учебно-строевой части, т. Карпенко выявил себя ценным работником, умело применяя свои знания в духе современных требований, внося и политический элемент в преподаваемый им предмет – тактику, приводя примеры для усвоения теории из гражданской войны. Мало того, интересуется политической литературой и не раз обращался к партпомначучебу²⁴ за различными справками, как и что читать.

Несомненно, пользуется авторитетом как среди курсантов, так и среди комсостава.

Советской власти предан. К партии относится сочувственно. Политически надежен. Почему и возбуждается о нем ходатайство²⁵. Снятие Карпенко с учета по ходатайствам начальника школы Соседова и комиссара Волкова произошло в октябре 1923 г.²⁶

Однако советская власть не ценила квалифицированные военно-педагогические кадры. Следствием такого отношения стала гибель многих профессионалов. Среди прочих в 1930 г. был арестован и в 1931-м расстрелян Карпенко, попавший в жернова печально известного дела всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна». Александра Саввича следователи объявили руководителем контрреволюционной офицерской организации уездного Зиновьевска (ранее Елисаветграда). На допросах Карпенко вынудили оговорить в причастности к организации всех преподавателей Украинской кавалерийской школы имени С. М. Буденного²⁷, созданной на той же базе Елисаветградского училища, которую когда-то Карпенко спасал.

С проблемами сбережения ценнейшего имущества военно-учебных заведений в огне российской Гражданской войны сталкивались многие военные педагоги и администраторы училищ и академий. Порой решались эти проблемы весьма драматично, не взирая на позицию сторон Гражданской войны²⁸.

Поступок Карпенко является ярким примером преданности человека делу своей жизни, чем для этого офицера, безусловно, было Елисаветградское кавалерийское училище и его учебное имущество. Вместе с тем изложенные события наглядно демонстрируют всю сложность выживания государственно мыслящего человека в обстановке Гражданской войны, на пике социального антагонизма.

По всей видимости, Карпенко считал, что красные, белые, повстанцы или украинские националисты приходят и уходят, а имущество училища необходимо для будущей России, которая непременно возродится из пепла Гражданской войны. В судьбе Карпенко наглядно отразилась вся тяжесть испытаний, выпавших на долю русского офицерского корпуса в послереволюционный период. Белые подвергли Карпенко репрессиям за службу на советских курсах в прежнем училище, красные держали на особом учете как бывшего белого офицера и не стремились продемонстрировать свое доверие. В конечном итоге уже в другой исторический период Карпенко был безвинно казнен, став одной из жертв массовых репрессий 1930-х гг.

Приложение публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рапорт А. С. Карпенко начальнику
5-й кавалерийской школы. 14 апреля 1923 г.

Р.С.Ф.С.Р.
У.С.С.Р.
Начальник
учебной части
5 кавалерийской
Елисаветградской
школы комсостава
14 апр[еля] 1923 г.
№ 335.
г. Елисаветград

Начальнику 5-й кавашколы.

Рапорт

Как б[ывший] офицер и живущий в г. Елисаветграде, я состою на учете Елисаветградского Г.П.У. и, несмотря на то что я служу в Красной армии 4 года и жил на территории, занятой белыми (деникинцами), в силу сложившихся и не зависящих от меня обстоятельств я до сих пор не снят с учета.

По расформировании б[ывшего] Елисаветградского кавалерийского училища, я, прослуживший много лет в учебной части этого учи-

лица и создавший ее, как б[ывший] инспектор классов, своими трудами взял на себя труд и уговорил других сотрудников охранять здание классного флигеля (№ 10) и его богатое учебное имущество. Это здание и учебные пособия я сдал в большой сохранности весной 1919 г. вновь сформированным из прибывшего из г. Твери эскадрона и административного состава 1-м Елисаветградским советским командным курсам, в коих я занял должность штатного преподавателя тактики.

На курсах этих я оказался единственным преподавателем тактики и в[оенной] топографии. На курсах этих был произведен один только выпуск красных командиров, подготовленных мною.

1919 год для Елисаветграда был полон приключений, т. к. кругом оперировали бандиты. Курсанты часто поэтому вызывались по тревоге властями для отбития бандитов. Летом им приходилось вести бой с григорьевской шайкой, которая овладела самим г. Елисаветградом и владела им несколько дней, так что курсантам пришлось отступить из города.

В этих боевых действиях со стороны курсов принимали участие только курсанты и строевой комсостав, учебная часть и другой состав оставались на своих местах.

В августе того же года было опять нападение на город со стороны повстанцев, которые после боя заняли город. Курсанты также и в этот раз отошли от города, учебная же часть оставалась по-прежнему на месте.

Командиром²⁹ курсов т. Геппе было отдано распоряжение через одного сотрудника курсов, что учебная часть остается на месте для охраны имущества до обратного возвращения дивизиона курсантов в Елисаветград.

В этот раз город был занят повстанцами из окрестных деревень, за которыми вскоре прибыли небольшие части белых. Дивизион курсантов в Елисаветград не вернулся, и мы, сотрудники курсов, оказались, таким образом, в плену.

По прибытии своем администрацией белых было приказано всем б[ывшим] офицерам, оказавшимся в это время в городе, явиться на регистрацию, т. к. они были объявлены мобилизованными.

Тогда же в Екатеринославе была сформирована, как это практиковалось у белых, так называемая реабилитационная войсковая следственная комиссия для обсуждения поведения и службы до прибытия белых каждого из мобилизованных³⁰ офицеров. Я был призван в эту комиссию первым, предварительно же был потребован в контрразведку, начальник которой хотел меня отправить в тюрьму за службу мою в Красной армии и именно за преподавание курсантам тактики, за что в г. Полтаве незадолго перед тем офицеров, преподавателей тактики на советских курсах, контрразведка расстреливала.

В тюрьму меня не посадили только лишь благодаря передаче меня в распоряжение Екатеринославской судебной следственной комиссии. После допроса Елисаветградская комиссия признала меня виновным в том, что я служил в Красной армии, а что самое главное и тягчайшее, что я преподавал тактику на Советских кавкурсах и что, таким образом, подготовлял комсостав для более успешной борьбы Красной армии против белых, за каковое мое деяние постановила признать меня причастным к большевизму и передать в распоряжение судебной следственной комиссии для производства следствия и предания военно-полевому суду; после этого я был отправлен в распоряжение Екатеринославской судебной следственной комиссии, которая, не приняв к производству моего дела, направила меня обратно для передачи в только что сформированную Одесскую судебную следственную комиссию (куда меня отправляли два раза). Затем следователь сам приезжал в Елисаветград для производства на месте следствия, но здесь заболел тифом, уехал в Одессу и там впоследствии умер.

Таким образом, следствие затянулось, и я находился под следствием и прикомандированным к комендантскому управлению до самого переворота, т. е. до января 1920 г.

Состоя под следствием, я служил в кооперативе родительских комитетов средних учебных заведений.

В декабре я заболел сыпным тифом и был отправлен по распоряжению коменданта ввиду эвакуации его управления в г. Одессу, несмотря на то что тиф был в самом разгаре. В Одессе я находился в госпитале; после сыпного я заболел возвратным тифом и болел до марта месяца 1920 г. Переворот в Одессе застал меня в госпитале. Оправившись, мне врачебной комиссией при Одесском военкомате был дан месячный отпуск по болезни, после которого я был определен на службу в 45 стр. дивизию в управление дивинжа³¹ и отправлен был в управление по постройке подъездных узкоколейных жел[езных] дорог.

По реформировании этого управления и изъятии его из военного ведомства я был назначен на службу в 1-ю Конную армию в отдел ремонта ее – пом[ощником] начальника отдела.

Затем с приходом в г. Елисаветград в сентябре 1920 г. из Таганрога б[ывших] кавкурсов я перевелся туда на службу по специальности, т. е. на должность шт[атного] преподавателя военных наук, где мне было поручено преподавание в[оенной] топографии, а затем и тактики.

Курсы эти были переименованы в 15-е Елисаветградские.

Далее в феврале 1921 г. Увузукрым³² предписал назначить меня, как окончившего военную академию и служившего ранее в ВУЗах, пом. нач. учебной части, а с перестройкой 15-х кавкурсов в нормальную школу в апреле 1921 г. я был назначен с 1-го апреля начальником учебной части 5-й кавшколы, в затем переименован в пом. начальника школы по учебно-строевой части, в каковой должности состою и поныне.

За мою службу в советских ВУЗах мною было подготовлено: 1 выпуск в 1-х советских курсах в 1919 г., 3^и выпуска в б[ывших] 15 кавкурсах и 1 выпуск в нормальной кавшколе. Таким образом, моих учеников – красных командиров в частях красной конницы насчитывается около 200 человек.

Служба моя, отношение к делу и педагогическая моя деятельность хорошо известны всем, кто меня знает; предан Советской власти и работаю за совесть.

Докладывая о сем, я прошу Вашего ходатайства перед местным Г.П.У. о снятии меня совершенно с учета.

Приложение: Свидетельские показания о привлечении меня белыми к следствию для предания военно-полевому суду за преподавание тактики на б[ывших] 1-х советских Елисаветградских курсах³³.

Пом[ощник] начальника школы
по учебно-строевой части *Карпенко*

РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14-15. Машинопись. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Незабываемое прошлое славной Южной школы. 1865–1965. Нью-Йорк, 1965. С. 28.

2 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 132395. П/с 80-974/16 Л. 121.

3 Незабываемое прошлое славной Южной школы. С. 122.

4 *Mitkiewicz L. Z brękiem ostróg i z dźwiękiem szabli. 1896–1917. T. 1* (oprac. w 1967 r.). Instytut Polski i Muzeum im. generała Sikorskiego w Londynie. Sygn. Kol.50/27 I. Выражаю глубокую благодарность М. М. Чапале (Киев) за предоставленные сведения и перевод.

5 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 12а об.

6 Там же.

7 Там же.

8 *Ковальчук М. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. – лютий 1920 р.). Київ, 2012. С. 27.*

- 9 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14об.
- 10 Там же. Л. 17.
- 11 Имеются в виду деникинцы.
- 12 В документе несогласованно – как подследственного.
- 13 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 18–18об.
- 14 Там же. Л. 19.
- 15 Там же. Л. 20.
- 16 Там же. Л. 13.
- 17 Там же. Л. 15.
- 18 Там же. Л. 12.
- 19 Т. е. Главным управлением военно-учебных заведений (Там же).
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 12а об.
- 22 Так в документе. Там же. Л. 12–12об.
- 23 Так в документе.
- 24 Партийному помощнику начальника учебной части.
- 25 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 11.
- 26 Там же. Л. 7, 10.
- 27 *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 225–226.
- 28 См., напр.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922 гг. М., 2014.
- 29 По другим документам – комиссаром.
- 30 В документе – мобилизационных.
- 31 Дивизионного инженера.
- 32 Управление военно-учебных заведений Украины и Крыма.
- 33 См. текст статьи.

A. V. Ganin

The keeper of “the famous Southern School”
Colonel A. S. Karpenko and the fate of Elisavetgrad Cavalry School
during the Civil war in Ukraine

The article explores the selfless work of Colonel A. S. Karpenko in the difficult conditions of the Civil war in Ukraine and the repeated change of different political regimes.

Keywords: *Ukrainian SSR, Civil war, Elisavetgrad, Red army.*